

ЕЛЕНА РАЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СПАДКИЙ ГРЕХ

мы никому не скажем

Елена Рай

**Сладкий грех. Мы
никому не скажем**

«Автор»

2026

Рай Е.

Сладкий грех. Мы никому не скажем / Е. Рай — «Автор», 2026

У моей холостяцкой жизни появился реальный срок — семь дней, а после я стану женатым человеком на девушке, которую даже не знаю. Что мне оставалось? Пустился во все тяжкие — пока ещё можно.

© Рай Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Елена Рай

Сладкий грех. Мы никому не скажем

Глава 1

Дамиль

Желание обладать тобой:

Свадьба брата ничем не отличается от других подобных.

Столы ломаются от закусок, гости нараспев желают долгой семейной жизни, а молодожёны не сводят друг с друга влюблённых взглядов.

В какофонии самых разнообразных звуков меня приглашают для торжественной речи с бокалом игристого. Всегда нарушаю правила, чем раздражаю многих. Во мне кипит адреналин с ноткой обиды, что прекрасная девушка в белом платье чужая жена, на которую мне остаётся только смотреть со стороны и никогда не признаваться больше в больных чувствах к Лиссе.

Не знаю, как долго смогу выдержать, терпение трескается, осыпается пеплом, разгоняет кровь в жилах до головокружительного состояния.

— Родные, — салютую им бутылкой, и под смешки обнимаю губами горлышко. Водка обжигает нёбо, трахею, пищевод, не щадя. Сам себя не жалею. Скрываю за шальной улыбкой свои чувства, будто принял, будто мне похрен, будто рана моя не кровоточит.

— Брат, — обозначает меня Камиль, возвращая к ним, потому что мыслями я уже где угодно, но только не здесь.

Мой близнец приобнимает одной рукой Лиссу за талию, а вторая ложится на небольшой округлый беременный живот. Светится от счастья внутренним светом, когда смотрит ей в глаза, чувствуя первые толчки своего сына.

— Желаю — спирает горло до удушающего спазма, моргаю заторможено, сжимаю кулак свободной руки. Чисто на эмоциях. Бомбит до зубного скрежета. Мурашки обжигают затылок, вниз до копчика судорогой сводит. — Я счастлив за тебя, брат, — смотрю ему в глаза, хотя самого разрывает пополам частоколом, — и за тебя, новообретённая сестра.

Лисса умиротворённо улыбается, слегка кивая. Камиль отражает её эмоцию. Им не до моих внутренних скручиваний до изнеможения.

Сколько раз я встречал рассвет в полном одиночестве, прокручивая в голове: «А если бы дожал, добился?» Сколько раз душил себя мыслью, что Лисса тоже могла ошибиться. Сейчас вижу, как на самом деле ошибался я.

Вернулся за стол, едва переставляя ноги. Мне бы валить отсюда, по-хорошему необходимо, чтобы дичь какую-то не выкинул.

Своим советом пользуюсь, как выходом из сложной ситуации, выпуская своих демонов на свободу, где уже не слышу цветочный аромат духов Лиссы.

Все рецепторы им забиты, губы обжигает фантомным прикосновением её губ, моя кожа на ладонях до сих пор помнит мурашки на её коже.

Что-то я совсем забыл, что через неделю я сам стану женатым человеком на девушке, которую даже не знаю.

У моей холостяцкой жизни появился реальный срок — семь дней. Что мне остаётся? Пуститься во все тяжкие, пока ещё можно чувствовать вкус свободы.

Пиная носком дорогуших туфель камушек, думаю, на что мне потратить своё время. Шагаю вперёд, прокручивая в голове свои желания.

Однодневки меня не интересуют. Бухло не торкает. Хочется настоящих эмоций, чтобы залатать порезы на сердце, пока ещё нет рубцов. Купить билеты и рвануть, куда глаза глядят? Вырвусь из клетки, по приезде никто не узнает, что я делал последние дни.

Отписался брату, что добрался до дома. Не успел вернуть телефон в карман брюк, как услышал возню сбоку. Прошёл пару шагов, завернул за угол и ничего такого из того, что я должен был ожидать.

— Замок с секреткой, — накрываю хрупкую ладонь девушки, крепко зажимая в своей. Обтекаю её со спины, зажимая в свой капкан. Мелкая она. Такую жалко, а я люблю трахаться без опасения навредить своей партнёрше, например, сломать бедренную кость.

Вдыхаю запах волос. Нотки жасмина и цитруса приятно будоражат инстинкты взять крошку. Сжимаю чуть сильнее до хриплого девичьего полувздоха.

— Надеюсь, что я не помогаю медвежатнице, — посмеиваюсь, проворачивая ключ.

— Что? — с пренебрежением посмотрела на меня малышка, оглянувшись через плечо.

Неестественными голубыми глазами вспарывает нутро. Подвисяю и теряю все слова как бисер на полу.

— Пошутил, — растянул губы в ухмылке. — Дамиль, твой сосед. Будем знакомы. Если любишь обнимашки, то я готов стать твоим плюшевым мишкой.

Пока меня придирчиво сканируют как рентгеновскими лучами, я делаю тоже самое: фигурка отрад, грудь и задница хороши, ростом мелковата Все недостатки перекрывает густая каштановая копна волос. Как представлю, как буду наматывать на кулак, и сколько оборотов вокруг ладони можно сделать М-м.

— Понятия не имею, что ты имеешь в виду, но ты смешной, как мой плюшевый медведь. От моих обнимашек у него остался один глаз, порванное ухо и сломанная психика, — тоном строгой учительницы шлёпает меня по заднице. — До сих пор нужны мои обнимашки, Дамиль?

Хотел спросить, как зовут мою новую соседку, да та хлопнула дверью перед моим носом. Соли что ли попросить? Нет, лучше сладенького. Мишки любят сладкое.

Планы резко изменились. Я. Хочу. Соседку.

Глава 2

«Медвежатница»

Сладкий грех:

Кто придумал «правило»?

Риторический вопрос, ответа на который никто не даст без чёткого объяснения.

У всего есть своя специфика поведения: человеческая, физико-химическая, техническая. Именно под каждую закладываются данные правила, чтобы, в случае чего, воспользоваться определённым сводом норм и предписаний, чтобы не случился треш-трешовый, как любит выражаться моя единственная лучшая подруга из универа. Ведь других у меня нет, сторонила по привычке.

И тут как гром среди ясного неба: «Наира, Дамиль Алиев станет твоим мужем, доченька, тебе так повезло».

Меня лишили права выбирать себе мужа с самого раннего возраста, но мне удалось отвоювать себе свободу на целый год, поступив в институт.

Я позволила себе любить себя в первую очередь, получать новые знания, заниматься любимым делом: мой кулинарный канал пользуется огромным успехом. Его фишка — только мои руки и работа кухонных приборов, чтобы никто не узнал из родственников или знакомых. Даже моя подруга не знала, чем я занималась на съёмной квартире. Она наивно полагала, что я вожу туда своих любовников. Не знаю, как мы вообще подружились, но её детская непосредственность вытаскивала меня из мрачных мыслей.

Находиться длительное время в неведении и послушно склонить голову перед своим мужем — точно не моя история.

Придумала легенду педагогическому составу, что мне срочно нужно Ладно, я интерпретировала это по-своему, уж очень хотелось познакомиться со своим навязанным женихом в неформальной обстановке.

У меня было два варианта съёма жилья: либо этажом ниже, либо через стенку. Потратила просто уйму денег, чтобы посмотреть своими глазами на Дамиля Алиева. Не думала, что так скоро он войдёт со мной в физический контакт.

Какой же он Дерзкий, своевольный, нахальный!

Пусть в своей голове рисует, что угодно, но я не какая то там дикая медвежатница, с развитыми первобытными инстинктами сношаться при первой же возможности с привлекательным самцом.

Признаюсь себе только в одном: этот наглый тип очень симпатичный, с безумным сексуальным взглядом и полным осознанием того, что нравится всем без исключения.

— Ох, сама себя не узнаю, — смотрю на своё отражение в зеркале, покачивая головой из стороны в сторону. — Может быть, в прошлой жизни я была спецагентом? Ну или актрисой, — приложила ладонь ко лбу, изображая драму. — Надеюсь, что я всё-таки была кошкой, и у меня было девять счастливых жизней на свободе. Мяс.

И так, у меня есть шесть дней, чтобы познакомиться с Дамилем и выяснить все его слабые места. План был до банального прост: зайти к нему и попросить какую-то ерунду, например, сахар, разговорить на житейские темы.

«— Дамиль, твой сосед. Будем знакомы. Если любишь обнимашки, то я готов стать твоим плюшевым мишкой», — передразнила его.

Он — бабник. Все предупреждающие сигналы сработали и мигали красным, чтобы не понять простую истину. Он не готов для семейной жизни, а я хочу ещё немного свободы, совсем чуть-чуть. Думаю, что смогу с ним договориться.

Включив Фрэнка Синатра «снова и снова», в такт плавно двигаю бёдрами. Не хватает бокала в руке, тёплого пледа и мужчины, который будет смотреть на меня спокойным влюблённым взглядом.

Как и всему хорошему рано или поздно приходит конец, музыка заканчивается, и становится как-то грустно на душе. Фрэнк может пробить на слезу, только он и может.

Включила плиту и поставила на конфорку алюминиевую сковороду, добавила сразу немного подсолнечного масла.

Круассаны размяла толкушкой, кинула на сковородку, и довела их до румяной корочки. Пока они остывали, приготовила всё для начинки: творожный сыр, каперсы, солёный огурчик и ломтики красной рыбы.

Сделала пару снимков для социальной сети (рабочей) в новой для себя локации, и пошла знакомиться со своим, так сказать, мужем.

Посмотрела на себя в зеркало перед выходом из апартаментов, машинально поправляя несуществующий платок на голове. Привычка, выработанная за последние пару лет. Отчим мне многое разрешал, в отличие от дедушки. Собственно, желание быть вольной птицей было полностью сформировано, когда мама вышла замуж за русского — это было лучшее решение после смерти моего отца.

Так не вовремя глаза обожгли слезами.

Обоих моих любимых мужчин не стало так рано.

Вдох-выдох. Можно договориться. Всегда можно. Об этом стоит не забывать и не дрожать так явственно.

Изначально меня планировали отдать замуж за Камиля Алиева, но парень влюбился. Его брат-близнец стал его заменой, надеюсь, что не моей погибелью.

Сдула с большой тарелки лишние крошки, ещё раз придирчиво осмотрела её содержимое и, наконец, выдавила кнопку дверного звонка.

Меня точит червячок сомнения, что я ошиблась в Дамиле — если посмотреть на ситуацию его глазами, то можно предположить, что я медвежатница.

Но как меня тогда пропустили через пост охраны? Или как я прошла через подъездную дверь?... Множество факторов для препятствий, просто я не привыкла к замку. И вообще уже живу тут второй день. Это означает только одно — я уже потеряла много времени для первого знакомства.

Щёлкает замок, дверь приоткрывается.

Я уже готова была произносить дружественную речь, да проглотила свой язык.

— Чёрт тебе за шею! — вскрикнула, не церемонясь с выражением. — Почему ты голый?! А-а-а!

Как мне прикрыться? Отвернуться надо. Глаз на затылке у меня нет, но развидеть не получается. Большой то какой! Одарённый, чтоб его.

— Я в полотенце, моя любопытная медвежатница, — от его тела такой жар исходит, что и на меня переходит.

— Голый всё равно, — заикаясь, произношу.

— Ты чего такая пугливая? Мужика в трусах на пляже не видела? — мягко разворачивает меня за плечи, прикосновения такие м-м.

— Я хотела, — упираюсь тарелкой ему в грудь, — возьми, пожалуйста.

— Окей, — берёт тарелку двумя руками, а его полотенце съезжает вниз. Прослеживаю взглядом закрываю глаза.

— Тут либо полотенце держать, либо твои дары принимать, — хрипло рассмеялся он, а у меня так пылают кончики ушей, что вот-вот воспламениться.

Глава 3

Дамиль

Мы никому не скажем:

Девчонка приобретает маковый цвет, смущённо опустив глаза.

Не понимаю этих игр, честное слово.

Хочешь секса — просто попроси, мы приятно скоротаем вечер и проведём жаркую ночь. Всё по-взрослому, без какого-либо навязанного стереотипного отношения к обоюдному наслаждению.

Топтаться на пороге с неприкрытыми причиндалами мне надоело. Развернулся на сто восемьдесят, не оглядываясь произнёс хриплым голосом:

— Подними полотенце и за мной давай, — яйца судорогой сводит от озноба, так и застудить можно. — Без твоего согласия ничего не будет, стесняшка, — добавил чисто для того, чтобы её подтолкнуть или же пусть топает к себе.

— Почему я должна поднимать? — слышу в её голосе явное недовольство.

Посмотреть на малышку хочется, особенно, куда палит своими голубыми глазами.

— Не хочешь, не поднимай, — слюнки уже текут от ароматов, что забиваются в нос. Вкуснятину приготовила для меня. Я очень рад такому соседскому гостеприимству. — Смотри на мою задницу, разрешаю.

— Что?..

Бессердечной будет, если оставит меня в одиночестве. Обещал же, что без её добровольного согласия ничего не сделаю, поэтому стоит подобрать свои яйца, сжать булки и топать на кухню.

Поставил тарелку на остров, щёлкнул кнопку чайника, и вдруг мне по заднице чем-то прилетает.

— Не страшно, в логове зверя? — дёрнул уголком губ, поднимая с пола брюки.

Не спешу надевать, смотрю на мелкую в упор.

— И где зверь? — ледяным огнём вспыхивают её глаза.

— Не дразни, если не знаешь правил, — облизываю верхнюю губу, не сводя с неё взгляда.

Я многое вижу: как часто поднимается её грудь, как участилось дыхание, как заволакивает её взгляд такой знакомой мне дымкой похоти.

Крадучись подхожу к ней, давай возможность отойти, если сама того захочет. На моей территории глупо вступать в активные действия, пусть будет её инициатива.

— Они у тебя есть, плюшевый мишка? — ей приходится запрокинуть голову, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Когда я добрый, — склоняюсь к миниатюрному ушку, заправляю прядь каштановых волос, — на мне можно поскакать без разрешения.

— Фу-у, — морщит носик она. — Ты всегда думаешь о сексе? — пропускает колкий смешок с целью меня пристыдить.

Малышка вздрагивает, когда кнопка чайника отщёлкивает, заливается румянцем, неприлично краснея.

Кончики пальцев зудят оттого, как хочется раздеть сахарную пугливую зайку, посмотреть везде ли она настолько розовенькая, когда смущается.

— Если отойдёшь на два шага в сторону и пропустишь меня, то я скрою свою физиологию от таких очаровательных глазок, — накидываю на сгиб локтя брюки, — либо буду в том, в чём меня мать родила. Как говорится, что естественно, то небезобразно.

— Какой же балабол, — искренне рассмеялась соседка, — милый безобидный балабол.

Сам растерялся с ответом, почесал затылок, посмеялся и предложил:

— Пока я прячу своего *дружка*, приготовь нам чай, — забыл добавить: — Пожалуйста. Закидываю в корзину с грязным бельём брюки, туда же улетает полотенце, что до этого было аккуратно сложено.

Натягиваю на влажное тело домашние шорты и майку. Светить накаченным торсом приятно, когда на это соответствующе реагируют — откладываю идею на потом, снять за пару секунд даже за секунду можно, когда подгорает.

Залипаю на том, как малышка перемещается по кухне. Пыхтит, когда вознамерилась дотянуться до кружек.

Не выдержал, решил помочь: подхватил пушинку под ягодицами и, как благородный рыцарь, помог справиться с невыполнимой задачей. Стремянки у меня нет. Делали по моим габаритам.

— Опusti меня, а то кружки уроню, — облизывает губы кончиком языка.

Тоже хочу облизать Не моргаю, тянусь к ним.

Секунда и Я губами прижимаюсь к холодной керамике.

— Как тебя зовут, соседка? — не спешу выполнять её просьбу сразу, медленно прокатываю по телу, давая возможность ощутить своё возбуждение.

— Медвежатница? — хрипло отражает мой вопрос своим.

— Моё ты знаешь, как-то нечестно, — прижимаю к столешнице, привалившись на неё бёдрами.

— Называй меня — задумчиво склонила голову и прищурила глаза.

— Окей, — в голове щёлкает догадкой, отталкиваюсь плавно. — Не хочешь говорить, не говори. Парень хату снял, а ты заскучала в одиночестве? — рублю грубо я.

Отбираю кружки, завариваю чай.

Сам не знаю, почему бешусь.

Точнее знаю: последнее время являлся чей-то заменой. Оригиналom не стал, жалкая копия.

Прикрываю глаза, когда соседка прижимает ладони к моей напряжённой спине.

Ловлю вертолёт, в голове играет любимый битбокс.

Шипеть от удовольствия хочется. Много чего хочется с закрытыми глазами, забыться, не чувствовать внутри себя пустоту, придумать другой образ.

— У меня есть — запинается она. — Мне сложно его назвать своим.

— Ненавижу ложь, — разворачиваюсь, перехватываю маленькую ладошку. — Ты была честна со мной, и я буду честен: у меня тоже есть мне тоже сложно назвать её своей.

Приподнимаю её лицо за подбородок, заглядывая в нереальные глаза своей загадке по соседству.

— Давай никому не скажем о нашем маленьком секрете? — подушечкой большого пальца очерчиваю нижнюю пухлую губу. Нравятся ощущения чего-то запретного, приятно обжигает мурашками затылок, тёплые капли пота скатываются по разгорячённой спине.

— Что ты предлагаешь? — тихо спрашивает, медленно моргая как в замедленной съёмке.

— Скажу на ушко, соседка, — втыкаю губы в мочку и шепчу свои порочные желания.

— Пошлак, — ткнула кулачком в мою грудь.

Потянул за ниточку сетки, которую она надела поверх топики.

Пока она шла на выход, податливо распускал ряд за рядом Вкусная девочка, реакция на меня тоже вкусная.

— Эй! — вскрикнула она, заметив мою шалость.

Зажал её в прихожей, чтобы не сопротивлялась. Выставил руки по бокам, запер в свою клетку.

— Чего бы ты сама хотела? — рисую кончиком носа по нежной коже незамысловатые узоры. — Честно Без долбанных запретов!

Глава 4

«Медвежатница»

Похоть — смертельный грех:

— Чего бы ты сама хотела? — его близость сладко пьянит, как шампанское с пузырьками радости, как эйфория на дне бокала, как афродизиак для неискушённых мужским вниманием девушек. Вздрагиваю от мужского рычания, так похожего на звериное: — Честно Без долбанных запретов!

В этом вызове я слышу столько непередаваемой боли, которая прорвалась, как гной наружу. В его взгляде можно захлебнуться, если потерять любую возможность удержаться на твёрдой поверхности. В его мире всё пошатнулось ещё до меня, сейчас нас трясёт его вновь разбуженными переживаниями.

Кто за его бронёй? Кто та, что пробралась в его сердце до меня?

Царапнуло острым когтём ревности по живой плоти.

Наращиваю защитные щиты, меня не должно волновать его жизнь до меня.

У каждого из нас есть минное поле в душе, где любой шаг постороннего будет восприниматься ударом — если сам проведёт по безопасному пути, только тогда впустит в своё сердце.

Пока я вижу в чёрном взгляде сплошные ловушки, похоть и ничего, что мне бы понравилось при первом знакомстве: не насладиться состоянием на грани сердечного приступа, когда задыхаешься от близости, когда теряешь все ориентиры кроме него, когда душа в клочья, потому что не знаешь, чего ожидать.

— Молчишь? — удерживает мои руки над моей головой. Глаза в глаза. Всё сливается в размытое пятно, при каждом вдохе грудь впечатывает в его. Губы размыкаются, выдыхаю прерывисто. — У тебя пульс долбит, милаш, — сама ощущаю, когда каждый удар фиксируется им, — признавайся, я никому не скажу.

— Признания под давлением не засчитываются, — облизываю губы, — любая попытка может дать ложно-положительный результат. Ты такой ответ хочешь? — чуть ли не добавила «Алиев», успешно прикусив кончик языка, чтобы себя не выдать.

— Зачем ты пришла-а-а? — прикрывает глаза, шумно втянув воздух через нос. — У каждого действия всегда есть свой интерес, — хриплым шёпотом врывается в мою душу, вспышкой по нервным окончаниям добивает следующими словами: — Просто посиди со мной, соседка, не оставляй меня. Херово мне, милаш. Физически вагоны могу влёгкую разгружать, а душа в агонии бьётся.

Выпускает из своего капкана.

— Что случилось? — нерешительно притрагиваюсь к его подбородку. Он вздрагивает и открывает глаза.

— Расчувствовался на свадьбе брата, — усмехнулся он, — первым женился, а я в мальчиках что-то засиделся.

Отшутился, балбес.

Спрятался в свою скорлупу.

Будет поедом себя есть и умирать внутренне, транслируя совершенно противоположные эмоции — мудрости во мне кот наплакал, чтобы вытаскивать из подобного состояния.

Хватит ли мне моего света?

Не поглотит ли меня его тьма?..

— Если тебе так понравилась моя сетка, могу подарить, — снимаю с себя. — Говорят, что подобные штуки, как антистресс для нуждающихся поколотить грушу.

— Грушу я могу поколотить в зале, — обнажает ряд белоснежных зубов, включая режим «у меня всё идеально», — сейчас мне нужна подушка для мужских скупых слёз, — костяшками пальцев касается моей щеки.

Накрываю своей рукой его ладонь.

Микровзрывы подрывают дамбу моего сопротивления: хотела развернуться и уйти к себе, пожить в тишине своих мыслей последние дни мнимой свободы.

Если бы я была автором, то острой бритвой по сердцу бы писала наш роман. За взрывами наступает оглушительная тишина, за слезами можно спрятать множество тонов эмоций, и не всегда они счастливые. Какие будут мои после первой ночи?

— У меня будут правила. Нарушишь, обнуляемся, — выпрямляюсь в струну, тронь и на атомы разлечусь по мирозданию.

— Какие выдвигаешь? — отступает и смотрит с пугающей отрешённостью.

— Будь собой, а я сама решу: хочу ли продолжать наше общение, — протягиваю руку.

Прикусив нижнюю губу, отводит взгляд, словно сражается сам с собой.

Обнажиться не каждый сможет.

Прожив целую жизнь с человеком — не всегда можно увидеть за его маской настоящее лицо.

Чтобы просить о таком, нужно свою душу открыть и впустить человека с его багажом жизненного опыта. Сама же неискренна, сохраняя тайну.

— Я тебе не понравлюсь, — сжал кулаки, — пытался быть настоящим, оттолкнул.

— Второе правило: не навязывать мне своё мнение. Ценность твоих поступков и слов будут взвешены мной в индивидуальном порядке, — отразила его шальную улыбку, — сейчас я пойду к себе, переоденусь и прихвачу кое-что для тебя — задумавшись, вспоминаю, куда убрала одну вещь.

— Резинки у меня есть, — хлопнул по полочке и оттуда дождём посыпались разноцветные фольгированные квадратики, — на любой вкус.

Хватаясь за живот от смеха, вернулась к себе.

Из глаз брызнули слёзы радости.

Дамиль сказал какую-то глупость, а я нашла в этом что-то смешное для себя.

Может быть, всё дело в том, что полочка, на которой лежали презервативы, упала ему на ногу, как кара Всевышнего за грязный похотливый язык?

Первым делом переоделась в удобный комбинезон, на голове соорудила пучок, и нашла то, что ему пообещала принести.

— Ты серьёзно? — дёрнул уголок губ, когда я сунула ему в руки поп-ит. — Девочка, а ты вообще с нашей планеты? Ну-ка повернись своей избушкой ко мне красивой задницей.

— Это ещё зачем? — фыркнула я, можно сказать, даже обиженно.

— У твоей расы должен быть чип-имитация, чтобы втираться в доверие под чужой личиной, — кривит губы он, но пока ещё не улыбается. — Вдруг у тебя шесть пальцев, или ты вообще Мужик!

— Ага, — цокнула языком я. — Я не наивная дурочка, милый мишка. Так и скажи, что игрушку не собираешься возвращать, потому что самому приглянулась. Нам же не по пять лет.

— Верно, — хриплым шёпотом зарылся мне в волосы: — Я сведу тебя с ума, моя ино-мирянка. Сама признаешься, кто ты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.